

Желание судьбы

Анатолий Курчаткин. «Через Москву проездом. Рассказы прошедшего года». Издательство «Советский писатель». 1981. 376 стр. 1 руб. 30 коп.

В КАЖДОЙ книге всегда есть — или должен быть — какой-то главный, наиболее болевой нерв. Присутствует он и в новой книге А. Курчаткина «Через Москву проездом», пронизывая большинство вошедших в нее рассказов. Этот нерв — желание судьбы, одолевает многих его героев. А если задуматься — не первейшее ли это человеческое желание? Золотая рыбка предлагала исполнить целых три, а достаточно-то всего одного, потому что в контекст судьбы входит все, что только возможно пожелать. Да вот только выбрать именно ту, оптимальную, наединственную из предлагаемых жизнью вариантов — очень трудно.

Можно просто испугаться, не понадеявшись на себя, как испугался Савин из рассказа «Десятиклассница». Девушка, юная и любящая, уверяет ему свою жизнь, а он, старший, в самой поре — под тридцать, — оробел.

«Ты что думаешь, что такое жизнь? — говорит Савин Наташе. — А? Все одно и то же изо дня в день, одно и то же... Тяни свою ляльку, тяни и тяни, и ничего не жди иного... А ты все рвешься куда-то будешь, все будешь хотеть чего-то...»

Значит, сломался человек и пропустил свой шанс — может быть, последний — сойти с поезда инерции в городе именно той, самой своей судьбы.

Это тем драматичнее, что шанс-то — обоюдный: как для Савина, так и для Наташи. И как для Тугунина, так и для Юли в рассказе «В гостинице». Случайная встреча двоих, что называется, гостей столицы, отработанные, машинные штампы курортно-командировочного флирта, и вдруг — ослепительный блик истинной любви, такой яркий, что хочется зажмуриться. А зажмуриться нельзя, тут

ведь одно из двух: либо глаза привыкнут к спящему свету, либо свет этот будет тускнеть, меркнуть... Но Тугунин — зажмурился. И ведь ноет внутри у него, 34-летнего одиночки, томление по иной жизни — ан нет, оробел. Простился скомканно и трусливо-бестолково, сел в поезд, и он уходит, погробыхая на стыках, все дальше от несостоявшейся судьбы, и движение его необратимо...

«Сама она (судьба. — А. Е.), по-моему, вообще с завязанными глазами», — с досадой говорит Виталий Вылегжанин, герой рассказа «Гамлет из поселка Уш». Эти сеговения (он вообще их про себя держит, а тут вдруг вырвалось) КАК БУДТО справедливы. Благополучный мальчик из весьма обеспеченной столичной семьи, а ныне — элентрик из далекого уральского поселка, Виталий с полным правом мог бы повторить строчку Дю Белле: «Но мне не нужен тот, кому не нужен я» — по отношению и к родителям, и к женщинам, встречающимся на его пути. В детстве чувствовал себя пасынком в родной семье; отец весь в панических заботах о благополучной карьере, мать, ненавидящая мужа, но остающаяся с ним из-за боязни «некомфортной» жизни, ударяющаяся в адюльтеры... «Но мне не нужен тот...»

Уехал подальше, куда попал, сам по себе живет, но не дают покоя ему, 33-летнему, вопросы: зачем живу, для чего? Закончил политехнический, но работает по-прежнему электриком. Отец предлагает вернуться в Москву, сулит перспективы — отказывается. Почему, чего боится? «Пока... во мне сохраняется ощущение некоей временности ее (жизни. — А. Е.), некоего приготовления и чему-то иному, большему, значительному, мне кажется, что у меня еще все впереди...» Стать инженером и т. д. — это значит повторить родителей (только не это), это значит — хомут, узда, пряменная трасса. То есть Виталий того же опасается, на что Савин сетовал. Может быть, он прав?

Недвусмысленный ответ на это дает А. Курчаткин в другом рассказе — «Розыгрыш» на примере фотокорреспондента Балдесова, который «ведь и не

жил, в общем, все ждал — вот она, жизнь, начнется, а ничего не началось, что было — то и была она, жизнь...» Так ведь и Виталий может потратить жизнь (и значительную часть уже потратил) на приготовления неизвестно к чему. Что, судьба виновата «с завязанными глазами»? А не сам ли ты таную судьбу выбрал? Мы же не щепки в ручейке...

Надежды героев А. Курчаткина часто связаны с Москвою. Той же Наташи-десятиклассницы, собирающейся ехать туда учиться, искать новую судьбу взамен первой, неудавшейся — с Савиним. Или молодой учительницы Майи и школьника Володьки (рассказ «Перекресток»).

Отправляется в Москву и Ноздрюха из одноименного рассказа, одинокая, схоронившая в свои тридцать уже трех мужей женщина. Но не заладила у нее жизнь и в столице, хотя складывалось все как будто хорошо, и вернулась она в свой город. «Это ж за что мне судьбы нет?» — гонит Ноздрюха. «Судьба у тебя есть, только ты ее неправильно понимаешь», — говорит ей подруга. И попадает в точку. Ноздрюха и сама поймет, что «не особо у нее вовсе плохая жизнь». Потому что живет она добро и честно.

А Москва... Что Москва — она не панacea, не волшебная страна тотального исполнения желаний. Не для каждого это город его судьбы. Оттого-то так часто герои А. Курчаткина, отправляющиеся на поиски судьбы, следуют через Москву проездом. Это ничего. Плохо, когда получается — через судьбу проездом (наверное, свою книгу А. Курчаткин мог бы назвать и так).

Насколько можно судить, А. Курчаткин не относится однозначно к своим мятущимся, сомнующимся героям и прежде всего им сочувствует — в том числе и в конце растерявшемуся Гамлету из Уша. Писа-

телю резко антипатичны другие — хотя они куда как твердые, несомневающиеся.

Такие, как, например, Элла Бухметнова (рассказ «Хозяйка кооперативной квартиры») — сверхделовая женщина с акульей хваткой, снайперски нацеленная только на то, чтобы полочке скомбинировать, побольше хапнуть, пожирнее кусок отломить от пирога материальных благ. Уж она-то сомнений не ведает и «как надо жить» — знает отлично.

Не присущи сомнения и оголтелому пенсионеру-реформатору Филимонову из одноименного рассказа. Этот — из тех, кого традиционно величают за глаза «чайниками», — чаще это народ тихий, безобидный, домашний, как и положено кухонной утвари. Филимонов — дикий «чайник», опасный, кипляком брызжет. Пришел в редакцию свое предложение пробывать: много славы всем этим писателям да певичкам, обо всех-то — поименно, а надо бы их под индусами — 4П 1042, например. Нечего, мол, Филимонов опасен не потому, что он дурак. Он опасен потому, что он активный и злой дурак и сомнений не ведает. У самого-то рыльце, а точнее — мурло в пушку: с тех пор, как начальником райтопа работал, запас дарового угля для теплицы на четыре года себе обеспечил — так это для него в порядке вещей.

Нет, А. Курчаткин открыто не осуждает этих «несомневающих», но дает настолько беспоощадо точные и объективные их портреты, что двух мнений тут быть, естественно, не может.

Но Элла и Филимонов — ладно, с ними все ясно, клинический, так сказать, случай. Куда сложнее с другими «несомневающимися» — например с семейной парой Гавриловых из рассказа «Русские народные песни», одного из лучших в книге. Все просто как будто: познакомился Гаврилов на «картошке» с Шамуриним (тоже, как и он, начальник участка, только из соседнего цеха), попили они с ним пивка под футбол, и вдруг Шамурин («Приятный мужик», — думает о нем

Гаврилов) приглашает к себе, послушать, как мат его исполняет народные песни. Прибывают они к Шамурину, захватив с собою жену Гаврилова, в полночь, но песен там — никаких, и только завешанная пеленками и заставленная грязной посудой кухня да початая чекушка со скудной закуской, которую составляет сонная шамуринская супруга... И Гаврилов с женою, ни к чему не притронувшись, уходят с чуть раздраженным, а впрочем, даже безразличным недоумением. И все. И винить их не за что.

Но — странное дело: Гаврилов «не Шамурина перед собой, а себя перед ним чувствовал почему-то виноватым». Он сразу забыл об этом, но — почему все-таки? Да потому, что не захотел понять, не выслушал, не спросил: что с тобой? Шамурин же не для того ведь, чтобы расписать на троих несчастные двести граммов, так настойчиво тянул их к себе на ночь глядя. Уйти, конечно, проще было. «И они пошли по незнакомой, чужой им темноте... спеша быстрее выйти к знакомому и надежному». Хорошие они люди, и жизнь у них хорошая, налаженная, понятная... Только вот с сердцем что-то.

Нужно заметить, что есть в сборнике А. Курчаткина довольно условно-абстрактные рассказы («В поисках почтового ящика» и «Сон о Ледовом побоище»), которые в контексте всей книги как-то не смотрятся. Думается, не его это стихия. А. Курчаткин как раз и силен, когда обращается к жизненной конкретике. Он дотошно в изображении жизни вполет до самых крохотных деталей и чуток к человеческой природе. И главный нерв его книги натянут туго и прочно, как тетива.

Алексей ЕРОХИН